

Не тот граф

Александр Кибовский

Важную роль в изучении русской иконографии играют большие выставки, представляющие портреты сразу из многих музеев и частных коллекций. Практически всегда они позволяют вернуть имена ещё нескольким произведениям. Так вышло и сейчас благодаря открывшейся в Государственном музее А. С. Пушкина выставке прекрасного художника Карла Гампельна.

Прапорщик граф Иван Петрович Коновницын. Рисунок Карла Гампельна, 1825 год. Бумага, итальянский карандаш, сангина. 30,1 x 23,4 см. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Ранее: Портрет Новосильцева

М оё внимание на выставке привлёк замечательный рисунок из собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина, изображающий молодого обер-офицера армейской конной артиллерии. На картоне, прикрывающем оборот оригинала, читается надпись карандашом: «Гампельн / молодой граф / Новосильцев». Авторство рисунка не вызывает никаких сомнений. Тем более глухонемой художник поставил в нижнем углу свою знаменитую подпись — монограмму из латинских букв СН и слово Sourdmuert (глухонемой).

А вот с персонажем всё оказалось сложнее. Среди дворян Новосильцевых титул графа имел лишь председатель Комитета министров и Государственного совета Николай Николаевич Новосильцев, возведённый в это достоинство 1 июля 1835 года. Но ко времени создания рисунка столь почтенный вельможа уже имел возраст за 60. Граф, чьё сластолюбие и невожатанность в питье были общеизвестны, прожил жизнь холостяком и не оставил потомства. На нём род графов Новосильцевых как начался, так менее чем через три года и закончился с его смертью 8 апреля 1838 года. Никакого «молодого графа Новосильцева» не существовало.

Карл Гампельн. Автопортрет, 1820-е годы. Государственный Русский музей

Но, быть может, надпись является неточной и имеет смысл поискать юношу среди нетитулованной ветви Новосильцевых?

По форме одежды офицера портрет можно датировать довольно точно. На овальном репейке кивера просматривается вензель Александра I. То есть рисунок выполнен не позднее 1825 года, до восшествия на престол императора Николая Павловича. При этом до января 1822 года артиллеристы носили эполеты другого образца — с красным суконным полем и одним валиком («жгутом») вокруг него. Следовательно, портрет нарисован в 1822–1825 годах, в самый счастливый период творчества Гампельна, когда он жил в доме президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина, в этом знаменитом интеллектуальном центре Петербурга, который современники называли «святилищем наук, искусств и литературы».

На эполетах офицера виден номер его роты — цифра 9. В указанные годы 9-я конно-артиллерийская рота состояла при 1-й уланской дивизии

и квартировала в Твери. Такие роты были небольшими и насчитывали от шести до десяти обер-офицеров. Но никакого Новосильцева в 9-й роте обнаружить не удалось. Каким же образом офицер столь маленькой армейской части мог оказаться не в Твери, а в столице, да ещё и попасть на карандаш модному в то время Гампельну, рисовавшему одних гвардейцев? Случай должен быть исключительным. Но, как известно, всякая

случайность — это лишь непознанная закономерность. Что и подтвердилось на выставке.

Рассматривая портреты, я в силу многолетней привычки машинально отмечал мундиры персонажей: Преображенский полк, Измайловский, Генеральный штаб... Обычный для русской иконографии круг столичной гвардейской молодежи. Но вдруг проскочила мысль: «...армейская конная артиллерия». Стоп! Передо мной групповой портрет четырёх братьев — молодых графов Коновницких из собрания Государственного Русского музея. Вещь хорошо известная. Вокруг стола изображены сыновья знаменитого героя Отечественной войны 1812 года и военного министра графа Петра Петровича Коновницкого: слева с кистью в руке старший брат Пётр, рядом стоит самый младший

Герой Отечественной войны 1812 года граф Пётр Петрович Коновницкий. Рисунок Карла Гампельна, первая половина 1820-х годов. Государственная Третьяковская галерея

Братья графы Коновницыны:
Пётр, Алексей, Григорий, Иван.
Рисунок Карла Гампельна, 1825 год
Государственный Русский музей

Алексей, дальше в рубашке и ермолке сидит третий сын Григорий, а завершает композицию покуривающий трубку второй брат Иван. Он одет в офицерский мундир, что позволяет точно датировать рисунок 1825 годом, когда Иван окончил Пажеский корпус и надел эполеты прапорщика.

Внешность Ивана мне живо напомнила молодого офицера на рисунке из ГМИИ. Мундир армейской конной артиллерии только усиливал это впечатление. Хотя номер на эполетах полностью не виден, предчувствие меня не обмануло. По документам выяснилось, что 13 апреля 1825 года 19-летний граф Иван Петрович Коновницын был выпущен прапорщиком в 9-ю конно-артиллерийскую роту!

Вот и нашёлся «молодой граф», который действительно мог позировать Гампельну. Вероятно, созвучие фамилий «Коновницын» и «Новосильцев» стало причиной неверной надписи на обороте портрета. Датировать его следует, как и групповой, 1825 годом. Ведь уже 14 декабря восстание на Сенатской площади резко изменило судьбу всей семьи Коновницыных.

С 6 октября 1825 года граф Иван Коновницын был прикомандирован к ба-

тарейной батарее лейб-гвардии Конной артиллерии и находился в Петербурге «для узнавания порядка службы». В ноябре старший брат Пётр, подпоручик гвардейского Генерального штаба, вступил в тайное Северное общество. Видимо, через него привлекли и Ивана, рассчитывая получить с его помощью артиллерию.

Санкт-Петербург.
Сенатская площадь
14 декабря 1825 года.
Акварель Карла
Кольмана, 1820-е годы

Один из главных руководителей декабристов князь Евгений Оболенский на допросе показал, «что граф Иван Коновницын, хотя членом [общества] и не был, но о намерениях общества на 14 декабря знал и в них участие принимал; также что он сообщил ему о согласии некоторых офицеров конной артиллерии действовать сообразно с намерениями общества, т. е. если нижние чины не примут присягу, то прибыть с ними на площадь, если же они примут спокойно присягу, то самому быть на площади». Александр Бестужев тоже обмолвился о своем разговоре с Иваном, который сказал, «что он вырвет пальник, если станут приказывать стрелять по нас». Хотя сам Коновницын на допросах всё это отрицал, события рокового дня скорее подтверждают слова Оболенского.

В 9 часов утра 14 декабря командир лейб-гвардии Конной артиллерии полковник Карл Гербель построил для присяги батарейную батарею в коридоре казармы недалеко от Смольного. Но после прочтения манифеста о восшествии на престол Николая I подпоручик Артемий Вилламов, прапорщики Андрей Малиновский и Иван Коновницын отказались присягать. Тогда Гербель приказал им выйти в отдельную комнату и приставил к дверям, за которыми находились смутьяны, двух фейерверкеров. Осознав случившееся, офицеры

Вот и нашёлся «молодой граф»

«насильственным образом растворили дверь той комнаты и вышли из оной с шумом». Коновницын и Малиновский стали кричать: «Ребята, измена, вас обманывают, Константин Павлович не отказался, ура, Константин!» Их подержали подпоручики князь Александр Гагарин и Константин Лукин. Гербель, «желая таковую насильственную дерзость усмирить силою, закричал: "Хватайте их, вяжите!" и приказал фейерверкерам, поставленным часовыми у дверей, не выпускать их. Но прапорщик Малиновский, обнажив саблю, ударил одного часового в лицо, и с тем вместе все ослушные офицеры выбежали из коридора, в коем собрана была батарея для присяги, и, сев на свои сани, уехали».

Дальше Лукин отправился на квартиру к своему бывшему сослуживцу

Ивану Пущину, Вилламов и Малиновский поехали на квартиру к Гагарину, а сам Гагарин встретился на Сенатской площади с Рылеевым и Пущиным, который сказал, «что без людей в них [артиллеристах] нет надобности» и «чтобы [князь] возвратился к своему месту и то же бы советовал товарищу своему Лукину». Через час все офицеры вернулись в казармы, где были арестованы явившимся в батарею начальником артиллерии Гвардейского корпуса генерал-майором Иваном Сухозанетом. Все, кроме Коновницына.

В это же время в батарею заехал князь Евгений Оболенский, избранный

Фото семьи графа Ивана Петровича Коновницына 1861 года и кабинета в имении Кярово (стр. 15) из книги его младшего сына Алексея «Подвиги славных предков в годину Отечественной войны» (СПб., 1912)

Семья графа Ивана Петровича КОНОВНИЦЫНА, сына героя 1812 г. Отъ него продолжился родъ графовъ Коновницыныхъ.

Въ центрѣ Графъ Иванъ Петровичъ Коновницынъ; нѣлѣво отъ него— супруга Марія Николаевна (рожд. Бахистева); между ними младшій сынъ Алексѣй Ивановичъ; далѣе сидятъ: Анна Ивановна и Эммануилъ Ивановичъ; стоятъ (слѣва направо): Григорій Ивановичъ, Пётръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Николай Ивановичъ.

заговорщиками начальником штаба. Но когда он узнал, что в казармах командует Сухозанет и, следовательно, поднять артиллеристов не удалось, «то он, сев обратно в сани, ускакал стремглав». Этот эпизод подтверждает показания Оболенского о его надеждах на Коновницына.

Сам же юный граф, выбежав из казармы, отправился домой, где сел верхом на лошадь и поскакал в город. Через день на допросе он так описал свой вояж: «Во время начатия происшествия я был в казармах, выехал из оных и встретился со взводом сапёров, несущих знамёна, говорил им, чтоб они не присягали. Потом, ехавши по Литейной, говорил с офицером сапёрным, стоящим в карауле, то же и чтоб шёл

на Исаакиевскую площадь. Близ церкви Пантелеймона встретил преображенские знамёна и говорил то же. Ехав мимо придворной конюшни, говорил то же, проехав весь город чрез Васильевский остров на Петербургскую сторону к лейб-гренадерскому полку, который шёл к присяге, начал говорить с поручиком Сутовым [Сутгофом], а он мне говорил, что отвечать не имеет времени, и прошёл с ротою. Оттуда я возвратился в казармы, где и был арестован [командиром батареи] полковником Пистелькорсом».

В этом рассказе есть странности. Первым по дороге Коновницын встретил взвод лейб-гвардии Сапёрного батальона, а затем Преображенского полка, которые несли в свои части знамёна

для проведения присяги. Знамя гвардейских сапёр из Аничкова дворца конвоировал 1-й взвод 1-й Сапёрной роты под начальством ротного командира капитана Александра Квашнина-Самарина. Когда по Спасскому переулку взвод подходил к казармам батальона, неожиданно дорогу пересекли дрожки, в которых мчались два офицера конной артиллерии. Не останавливаясь, они крикнули: «Не присягайте, братцы, вас обманывают!» — и понеслись дальше. «Не обращая внимания на возмутительное содержание этих слов, Квашнин-Самарин, напомнив людям о их долге и безусловном повиновении, выровнял взвод и ввёл его в совершенном порядке на двор».

Но Квашнин-Самарин сообщил о двух офицерах в сани, а не об одном верхом. По всей видимости, сначала с Коновницыным в санях ехал князь Гагарин или Лукин. Высадив графа у дома, он помчался дальше. Иван же верхом поскакал к лейб-гренадерам, застав их идущими на присягу. Но лейб-гвардии Гренадерский полк, в том числе 1-я фузилёрная рота поручика Александра Сутгофа, присягнул на полковом дворе уже в 10 часов утра. Если верить показаниям Коновницына, то получается, что он завершил свой «анализ» менее чем за час, ещё до начала активной фазы восстания на Сенатской площади. Между тем Сухозанет свидетельствует, что граф возвратился в казармы и был арестован «гораздо позже» своих сослуживцев. Где же он пропадал всё это время? Об этом можно лишь догадываться.

Арестованный после возвращения в казармы Коновницын был на следующий день отправлен в Зимний дворец, где его допросил генерал-адъютант Василий Левашов. Граф «первоначально отрекался», но ввиду прямых улик сознался (похоже, лишь частично),

Граф Пётр Петрович Коновницын. Рисунок Карла Гампельна, 1825 год. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. Этот портрет декабриста висел напротив изображения брата Ивана в кабинете в графском имении Кярово

Кабинетъ графа П. П. Коновницына въ родовомъ имѣніи „Кярово“, (Сохраненъ въ наст. время въ томъ же видѣ, что и сто лѣтъ назадъ).

трогательно прося о пощаде: «Оправдания никакого не нахожу, признаюсь виновным и повергаю себя всемилоостивейшему государю, не находя слов изъяснить мою душевную скорбь и раскаяние. Да воззрит он на молодость моих лет, искреннюю признательность мою и обратит милостивое око на моё страдание».

И действительно, случилось чудо. 23 июля 1826 года Коновницына освободили из-под ареста при Учебной артиллерийской бригаде и просто отправили для дальнейшей службы прапорщиком в 23-ю конно-батарейную роту, установив тайный надзор.

За гораздо меньшее участие в восстании офицеров, даже «увлечённых обманом», карали самым суровым образом. Старший брат Пётр, практически ничего не сделавший в роковой день по сравнению с Иваном, был лишён чинов, дворянства и отправлен рядовым в Семипалатинский гарнизонный батальон, а оттуда на Кавказ.

Скорее всего, Ивана спасли три обстоятельства. Во-первых, он не был членом тайного общества, за что сразу наказывали беспощадно. Во-вторых, утром 14 декабря царь помиловал офицеров гвардейской конной артилле-

рии, арестованных Сухозанетом. Около 10:30 генерал явился в Зимний дворец и сообщил Николаю о ЧП. Это было первое известие такого рода. Восстания в полках ещё не начались. Император воспринял всё как недоразумение и «изволил изъяснить свою высочайшую волю, чтобы всех офицеров от ареста освободить и что его величество не хочет знать имён сих шалунов». В даль-

Ивану помогла светлая память отца-героя

нейшем никто из «шалунов» не был осуждён, а сам их бунт в казарме фактически предали забвению. Ну и, конечно, Ивану помогла светлая память отца-героя. Хотя его старший брат Пётр и муж сестры Михаил Нарышкин не избежали наказания.

Граф Иван Коновницын принял участие в Русско-персидской и Русско-турецкой войнах и вышел в от-

На стене кабинета в имении графов Коновницыных в Кярово видны два рисунка Карла Гампельна: портреты братьев-декабристов — Петра Петровича (нижний в левом ряду), а напротив — Ивана Петровича

ставку в 1836 году штабс-капитаном. Так сложилось, что лишь по его линии продолжился род графов Коновницыных. Причудливым зигзагом судьбы младшие сыновья декабриста Эммануил и Алексей стали в начале XX века видными деятелями Союза русского народа. В 1912 году Алексей выпустил книгу «Подвиги славных предков в годину Отечественной войны», в которой писал: «...за пережитое столетие после Отечественной войны расшатались устои русской жизни. Внутренний враг: евреи, масоны и космополиты, стремящиеся ныне погубить Россию и уничтожить её государственный уклад, куда сильнее и опаснее Наполеона».

Но нас эта книга интересует своими иллюстрациями. На одной из них фото кабинета в фамильном графском имении Кярово Гдовского уезда. Несмотря на плохое качество, на стенах можно разглядеть некоторые портреты. Вот слева известный гампельновский рисунок декабриста Петра Коновницына, который сегодня хранится в Государственном Литературном музее. А напротив... А напротив как раз висит тот самый портрет молодого артиллериста графа Ивана Коновницына, с которого и начался наш рассказ. ▽

Автор — руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук